

Концепция «особого пути» в контексте размышлений о «Востоке» и «Западе»

Статенков Артём

*Государственный академический университет гуманитарных наук
Российская Федерация, Москва*

Аннотация

В данной предпринята попытка проанализировать концепт «особого пути» не только как маркер цивилизационного развития, но и как дискурсивную технику, производящую знание в контексте таких категорий как «Запад» и «Восток».

Ключевые слова: особый путь, ориентализм, дискурс, интеллеktуал

Проблема «особого пути» является одной из ключевых для отечественного социокультурного дискурса, особенно остро она встает перед мыслителями в переломные моменты истории. В контексте русской такими определяющими, парадигмальными событиями стали: принятие христианства византийского обряда, реформы Петра I, революция 1917 года, прекращение существования СССР. Каждое из них образовано и наполнено собственными структурами, в них функционируют различные дискурсы, но даже если мы предположим, что концепт «особого пути» присутствует так или иначе во всех периодах истории, следующих за вышеуказанными событиями, то необходимо было определить данный конструкт как константу российской истории, ее метанарратив или если бы мы обратились к словарю школы «Анналов», то мы назвали его структурой большой длительности. Однако представляется, что более продуктивным будет рассмотрение различных культурных, политических феноменов относительно концепции микрофизики власти¹, когда история хоть и остается наукой, основанной на перечислении и сопоставлении датированных событий, но в то же время за ними исследователь открывает некоторый вторичный, глубинный язык, строя собственную методологию. В этом вторичном, коннотативном языке можно наиболее пристально наблюдать символы, техники, стратегии и практики, которые пронизывают любое общество. Таким образом, мы обращаемся к истории, наполненной разрывами не только в их крупном измерении, но и чуть менее заметным, на первый взгляд.

Переходя к категориям «Востока» и «Запада», стоит сказать, что при их рассмотрении мы обратимся к постпетровскому периоду отечественной истории, а именно к ситуации XIX в. Именно в это время в строгом смысле оформляется фигура интеллеktуала - писателя и так называемого пишущего, который, по мысли Р. Барта², излагает в слове то, что думает, но язык и категориальный аппарат его специфичен, его слово скоротечно, практично, тогда как язык писателя зачастую выражает как длительность, так и двойственность: с одной стороны это единичное произведение, встраивающееся в общепринятый язык - объект, с другой - это коннотация, которая выражает множественность смыслов в общей сети текста данной культуры: «Когда же язык перестает быть составной частью праксиса, начинает рассказывать, повествовать о действительности и становится тем самым языком для себя, — тогда появляются подвижные и текучие вторичные смыслы, образуется то, что мы как раз и называем литературой (пусть даже речь идет о произведениях такой эпохи, когда этого слова не было)»³. Позиции и функции данных социальных акторов могут смещаться и смешиваться, однако именно они производят то знание, тот дискурс, в котором существует, порой не замечая этого, остальные члены общества.

Для России XIX в., и в особенности после Наполеоновских войн, когда возникла проблема определения нации. Обращаясь к мысли Р. Барта, мы могли бы назвать решение подобной проблемы, которое было предпринято русскими интеллектуалами - миф. В зависимости от своей принадлежности к тому или иному языку происходит либо конструирование как бы естественного, природного положения дел, либо его деконструкция. Примером первого могут служить концепции С. Уварова и П. Чаадаева, которые на первый взгляд хоть и находятся по разные стороны баррикад, но все же олицетворяют одну языковую систему, сходный словарный набор. Предложенные ими конструкты имеют задачу перезапустить историческое время на цивилизационном уровне, определить некоторые устойчивые черты, определить судьбу нации, задать ее длительность. Наиболее важным для нас маркерами служит представление о молодости России и той культурной разделенности, что лежит между различными слоями общества. В большей степени именно они служат условиями выдвижения проектов или идей «особого пути» для России. Метафора возраста и идея общей национальной культуры, навеянные Гердером и Ф. Шлегелем переросли у Уварова в триаду «Православие - Самодержавие - Народность», программа которой должна была обеспечить защиту от увеличивающегося западного влияния на русскую молодое поколение, еще помнящее события 1825г.: «Она (Россия) еще хранит в своей груди убеждения религиозные, убеждения политические, убеждения нравственные — единственный залог ее блаженства, останки своей народности, драгоценные и последние гарантии своей политической будущности». Далее на протяжении всего письма Уваров все более усиливает тезис о том, что империя не должна идти на поводу утопистов, разрушивших основы европейских государств: «Речь не идет о том, чтобы противиться естественному ходу вещей, но лишь о том, чтобы не наклеивать на свое лицо чужую искусственную личину, о том, чтобы сохранить неприкосновенным святилище наших народных понятий, черпать из него, поставить эти понятия на высшую ступень среди начального государства и, в особенности, нашего народного образования. Между старыми предрассудками, не признающими ничего, что не существовало, по крайней мере, полвека назад, и новыми предрассудками, без жалости изничтожающими все, чему они идут на смену, и яростно нападающими на останки прошедшего, лежит обширное поле - там и находится твердая почва, надежная опора, основание, которое не может нас подвести»⁴. Подобная идеологическая позиция отвечает сразу двум требованиям: с одной стороны позволяет теоретически обосновать необходимость традиционного политического устройства, а с другой удовлетворить интерес к романтическим проектам конструирования нации, ее истории. Подобные мысли можно встретить также в текстах П. Чаадаева, а именно «Апологии сумасшедшего»: «Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия... Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества»⁵. Однако не менее интересным представляется сюжет разделенности, ведь письмо с предложением введение в обиход категории народности было написано на французском языке. Так, если до этого мы рассматривали западный контекст концепта «особого пути», то теперь мы обратимся к восточному. «Восток» в данном случае понимается не как географическая координата, но как эпистемологическая конструкция, которая при этом находится по соседству с культурой и бытом дворянства, которые ориентированы на Европу. Подобная ситуация связана с проблематикой разделения и будет рассмотрена в контексте ситуации внутренней колонизации, а также различных ориентальных практик. Данная тема была артикулирована в современном философском и постколониальном дискурсе Э. Саидом в его одноимённом исследовании. В свою очередь в работе А. Эткинда дан анализ феномена континентального колониализма, который в отличие от классического европейского не имеет какой-либо морской мифологии естественной разделенности, подкрепляемой расовыми различиями, функционирует в контексте соприсутствия, что однако не мешает ему производить субъектов столь же не схожих друг с другом как в идеологическом, так и территориальном аспектах⁶ (Эткин 14-15). Внутренняя колонизация, в пространстве которой существует общество, разделение происходит не по цвету

кожи, но в соответствии с сословной принадлежностью, именно в зависимости от нее общество выражает на субъекте те или иные практики дисциплинарности. Воспроизводство подобного типа знания Саид связывает с функционированием культурной гегемонии, той конструкции, что определяет структурирование общества не столько в экономическом измерении, сколько в эпистемологическом (ссылка на Саида). Ориентализм, таким образом, интерпретируется не только как инструмент подавления, но как орган конструирования или же периформирования субъектности, формирования образа Другого. Подобная языковая стратегия встречается нам также в классических текстах русских писателей интеллектуалов, в частности у ранее упомянутого П. Чаадаева: «Наши воспоминания не идут далеевчерашнего дня; мы, так сказать, чужды самим себе. Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. Это естественный результат культуры, всецело основанной на заимствовании и подражании»⁷. В таких высказываниях формируется разделение типов субъективности: Человек Культуры зачастую в рамках схемы произведения противопоставит Человеку из Народа. Данное противопоставление было концептуально оформлено А. Эткиндо в его исследовании, посвященном феномену внутренней колонизации, которая подобно метанарративу разворачивается на всем протяжении российской истории.

Помимо ощущения отдаленности от большинства населения, существовало культурное и словарное разделение между сословиями, которое впервые было выведено в текстуальное поле представителями энкратического дискурса, примером чего может служить образ Базарова, представляющего собой метафору как нового поколения, так и набора теоретических конструктов. В свою очередь распространение образовательных технологий позволило в рамках нарратива культуры высказаться фигуре разночинца, которая предпринимала оказать силовое влияние на позиции в дискурсе, выполнить его деконструкцию: «А не знают они(женщины) потому, что с ними никто по-человечески неговорил. Виноваты же в этом одни мужчины, потому что мужчины дирижируют оркестром общественных убеждений и являются запевалами. Если выходит разладица, они же сами заэто отвечают и на себя должны пенять... Мужчина приходит в столкновение с множеством разнообразных сфер; родительский дом, гимназия, университет, департамент или полк, маскарад, трактир, редакция журнала, прилавок торговой конторы -- ведь это все школы жизни;...для того чтобы одна женщина выделилась своим образом жизни из тысячеголовой массы необозначившихся, недоразвившихся и ничем не затронутых индивидуумов, необходимо соблюдение нескольких условий, которые в нашем обществе, при теперешнем складе воспитания и понятий, встречаются чрезвычайно редко»⁸. Таким образом, содержание внутреннего Востока не исчерпывается абстрактным понятием народа, к которому нужно вернуться, чтобы его понять, но Восток постоянно соприсутствовал с «дееспособным» субъектом внутри любовных, семейных отношений.

В заключении стоит сказать, что подобные техники и практики призваны прежде всего не для того, чтобы подавить, но для того, чтобы произвести субъекта, высказать и создать окружающие его образ, знание. Для России категория «особого пути» означает с одной стороны реальность, в которой происходит культурная и политическая жизнь общества в сравнении с образом западного Другого, а с другой концепт, позволяющий таки или иначе определять внутри себя символы, дискурсы, регулирующие их позиции и отношения. Также Данная работа представляет собой попытку определения, выявления и анализа феномена внутреннего ориентализма в отечественном социокультурном пространстве. Для этого необходимо произвести сборку интеллектуальных практик позволяет выяснить как глубинные, так событийные рамки того или иного дискурса: «Таким образом, история возможна лишь на уровне литературных функций (производство, коммуникация, потребление), а никак не на уровне индивидов, отправлявших эти функции. Иначе говоря, история литературы возможна лишь как социологическая дисциплина, которая интересуется деятельностями и установлениями, а не индивидами»⁹.

Примечания:

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad marginem, 1999. С. 41.
  2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. // Писатели и пишущие. М.: Прогресс, 1989. С. 131-142.
  3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. // Литература и значение. М.: Прогресс, 1989. С. 276-297.
  4. Из письма графа С.С. Уварова Николаю I, март 1832 г. [Электронный ресурс] // >>>> (дата обращения 14.04.21)
  5. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего [Электронный ресурс] // >>>> (дата обращения 14.04.21)
  6. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 14-15.
  7. Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Статьи и письма. Сост., вступ. Статья и коммент. Б.Н. Тарасова. — 2-е изд., доп. — М.: Современник, 1989. С. 44.
  8. Писарев Д.И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Д.И. Писарев соч. в 4 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 1. Статьи и рецензии 1859-1862. С. 233-237
  9. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. // История или литература. М.: Прогресс, 1989. С. 209-233.
-

Библиография:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. // Писатели и пишущие. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Из письма графа С.С. Уварова Николаю I, март 1832 г. [Электронный ресурс] // http://samoderzhavnaya.ru/pages/pravoslavie_samoderzhavie_narodnost (дата обращения 14.04.21)
3. Писарев Д.И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Д.И. Писарев соч. в 4 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 1. Статьи и рецензии 1859-1862. С. 233-237
4. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего [Электронный ресурс] // <http://www.vehi.net/chaadaev/apologiya.html> (дата обращения 14.04.21)
5. Чаадаев П.Я. Философические письма. Письмо первое // Статьи и письма. Сост., вступ. Статья и коммент. Б.Н. Тарасова. — 2-е изд., доп. — М.: Современник, 1989. С. 44.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad marginem, 1999. 498 с.
7. Эткинд А. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 14-15.

The concept of a "special path" in the context of thinking about "East" and "West"

Artem Statenkov

*State academic university for the humanities
Russian Federation, Moscow*

Abstract

This article attempts to analyze the concept of a “official nationalism” not only as a marker of civilizational development, but also as a discursive technique that produces knowledge in the context of categories such as “West” and “East”.

Keywords: official nationalism, orientalism, discourse, intellectual

DOI: 10.18254/S241328880018131-8